

О.В. Михайлова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ГРАЖДАН НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Последнее десятилетие сопряжено как в России, так и в других странах на территории бывшего СССР с процессами демократических преобразований, происходящих во всех сферах общественной жизни, и, как следствие, с трансформацией массового сознания. Население вновь образовавшихся государств сложно и неоднозначно реагирует на происходящие в его жизни перемены, тяжело адаптируется к современным условиям. В одних постсоветских государствах демократические ценности прочно закрепились в массовом сознании, в других за короткий промежуток времени отношение общества к ним стремительно изменилось от полной поддержки до разочарования и постепенного отчуждения.

В таких условиях исследование развития массового сознания населения на постсоветском пространстве, в особенности политического сознания, анализ степени усвоения им демократических ценностей и норм становится важной задачей.

Политическое сознание является одной из ключевых категорий политологии, поэтому в современной научной литературе существует немало исследовательских работ как иностранных, так и отечественных авторов, посвященных изучению отдельных составляющих этого феномена. В тоже время политическое сознание как объект исследования отличается исключительной сложностью с точки зрения научного анализа в связи с тем, что его природа остается скрытой от непосредственного наблюдения. Принимая во внимание эту особенность, необходимо обратить внимание на тот факт, что до сих пор не существует согласованного мнения исследователей относительно структуры и элементов политического сознания¹. Каждый из авторов предлагает свою собственную структуру, выделяя отдельные доминирующие элементы.

Однако научные разработки этого феномена не сводятся исключительно к его общетеоретическому описанию. В фокусе анализа исследователей оказываются отдельные группы населения, представители различных стран², что продиктовано стремлением не просто описать, но и оценить уровень зрелости и развитости политического сознания, выявить политическую мотивацию индивидов. В связи с этим на первое место выходит проблема разработки методологии ис-

¹ Для советской научной школы характерно рассмотрение политического сознания в его идеологическом аспекте. См. Носков А. П., Янировский Р. Г. Два уровня сознания и политические убеждения. – Новосибирск, 1974; Уледов А. К. Структура общественного сознания. – М.: Мысль, 1968; Грушин Б. А. Мнения о мире и миропонимания. – М.: Политиздат, 1967. Среди западных работ того же периода наиболее заметны:

Lane R. *Political Thinking and Consciousness*. – Chicago, 1970; Leggett, John C. *Race, Class and Political Consciousness*. – Cambridge, 1972.

² См. Современное политическое сознание в США. Под ред. Заможкина Ю. А. и Баталова Э. Я. – М.:

Наука, 1980; Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения в 4 кн. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. – М., Прогресс-Традиция, 2001; Хлыстунов С. Ю. Политическое сознание молодежи в условиях обновления российского общества: состояние и перспективы. – Саратов, 1999; Российское общество: становление демократических ценностей? Под ред. Макфолла М., Рябова А. – М.: Гендальф, 1999.

³ Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. – М.: Socio Logos, 1997. – 317 с.

⁴ См. Сатаров Г. А. О новом подходе к построению обобщенных социологических переменных // Полития. Зима 1999–2000 г. № 4.

следования подобного рода явлений. На сегодняшний день господствующая тенденция в научной литературе – изучение политического сознания, с опорой на явные его элементы, то есть через призму общественного мнения, либо анализ целенаправленности политического поведения. Однако политическое убеждение намного глубже мнения, ограниченного рамками конкретного вопроса³, а явно иррациональное политическое поведение может быть положительным для группы.

Соответственно, встает проблема преодоления ограниченности исследовательских методик, применение которых позволяло бы выявить скрытые (латентные) мотивы, объясняющие те или иные политические суждения, а также различные типы политического поведения. Цель данной статьи – предложить социологическую методику, позволяющую выявить скрытые политические мотивы граждан и дать оценку уровню зрелости их политического сознания⁴. Эмпирической основой послужили результаты исследования политического сознания граждан трех постсоветских стран – Эстонии, России и Казахстана, полученные с помощью данной методики.

Политическое сознание предстает перед исследователем феноменом, сложно поддающимся фиксации и описанию, элементы структуры которого являются в основном латентными характеристиками. Их невозможно выявить, опираясь исключительно на опросы общественного мнения.

Как таковое общественное мнение не отражает состояния политического сознания во всех его содержательных аспектах, а представляет собой лишь вершину айсберга. При изучении общественного мнения ответы респондентов являются объектом изучения. При изучении же политического сознания ответы респондентов – лишь первичное измерение, по результатам которого необходимо делать выводы о латентной сущности, какой и является политическое сознание.

Опросы не всегда могут выявить реальные мнения людей относительно тех или иных политических явлений и процессов, их мотивы, по которым они совершают те или иные политические действия, отразить истинное состояние их политического сознания. Это связано со следующими объективными причинами:

1. В процессе изучения политического сознания исследователь не вполне представляет себе, что именно он измеряет. Ведь политическое сознание – это неоднородное явление, которое состоит из множества элементов, формируется под влиянием ряда факторов, отличающихся для каждого отдельно взятого общества. Кроме того, в зависимости от социально-политических и экономических условий той или иной страны, в структуре политического сознания населения доминируют различные компоненты, определяющие его уровень развития.

2. При проведении опросов перед респондентом зачастую ставятся проблемы, которые могут и не находится в сфере его интересов, или у него недостаточно знаний и информации для того, чтобы дать грамотный ответ, соответствующий ожиданиям исследователя. След-

ствием этого является тот факт, что исследователю приходится работать с мнениями, существующими лишь в потенциальном виде, то есть с тем, что думали бы опрашиваемые, если бы они поставили перед собой эту проблему. С этим аспектом связана проблема разграничения форм, которые могут принимать мнения: частные, уже сложившиеся; индивидуальные, существующие только в потенциальном виде; коллективно выработанные и выраженные публично и т.д. Какое из них выражает респондент, отвечая на поставленный вопрос?

3. Результаты опросов находятся в прямой зависимости от ситуации, в которой они проводятся, от затрагиваемых интервьюером тем. Если речь идет о политике, то люди крайне неохотно отвечают на вопросы, ответы на которые должны выявить их политические пристрастия, отношение к действиям властей, к тем или иным политическим лидерам и пр.

4. Каждый из опрашиваемых респондентов обладает разным уровнем информированности о политических процессах и, восполняя дефицит информации, приписывает воспринимаемым явлениям разнообразнейшие причины (эффект «каузальной атрибуции»), по-своему их интерпретирует, основываясь на здравом смысле, компетентности, эмоциях.

5. Один и тот же вопрос может пониматься респондентами неоднозначно, в него могут вкладываться различные смыслы. А это результат того, что исследователь, составляя анкету, часто опирается только на здравый смысл и свое понимание изучаемого явления, не принимая во внимание язык респондентов.

6. В подавляющем большинстве случаев исследователи предполагают сделать выводы о состоянии общественного мнения, их отношении к политическим явлениям, полагаясь всего лишь на один единственный вопрос, поставленный в открытой политической форме.

7. Ответы респондентов на конкретный вопрос всегда многомотивационны. Разные респонденты дают один и тот же ответ на один вопрос по разным причинам. Между тем отдельная вербальная реакция респондента, проявляемая при социологическом исследовании, при ответе на один вопрос не может служить достаточным основанием для приписывания этому респонденту какого-либо свойства. Выбор того или иного ответа на поставленный вопрос объясняется множеством обстоятельств: респондент может быть неискренним и подстраиваться под интервьюера. Наконец, интерес исследователя может касаться сферы, воспринимаемой респондентом как интимная или опасная, а, следовательно, полученная информация будет заведомо искажена.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что знания о явлениях социальных и политических, в частности, исследователь получает с помощью коммуникации с респондентами. Основная проблема, с которой сталкивается исследователь при их изучении – проблема

обыденного языка, который является средством коммуникации, со всеми его особенностями и недостатками, связанными с размытостью и полисемантической.

В обыденной жизни семантическая неоднозначность компенсируется информационной избыточностью. Иными словами, есть понятия, семантика которых широка, расплывчата и неоднозначна, а также есть понятия, смысл которых довольно точно соотносится с миром вещей и действий, понимаемых людьми примерно одинаково. Семантику понятий первого типа люди уточняют или координируют, используя понятия второго типа. Подобная практика успешно используется в педагогике, психологии, однако в социологии это направление практически не разработано. Во многом это объяснимо: в психологии центральная задача – выявить, как люди думают, исходя из тезиса о сходстве механизмов мышления, а в социологии – выявить, что думают люди, предполагая, что все думают по-разному.

Именно опыт обычного человеческого общения подсказывает исследователю выход из этой ситуации. В реальной жизни, когда мы хотим разобраться в каких-либо глубинных свойствах человеческой природы нашего собеседника или выяснить нечто, о чем ему говорить не хотелось бы, мы задаем ему серию вопросов, объединенных тем, что они с разной стороны дают нам возможность понять то, что нам нужно. Часто такие вопросы не имеют прямого отношения к интересующему нас свойству, но, тем не менее, дают возможность по ответам на них судить о наличии или проявлении этого свойства.

Предлагаемый в этой статье подход – попытка формализовать и превратить в технологию этот опыт человеческой коммуникации.

Итак, допустим, что исследователя интересует некоторое свойство респондентов. Его задача – найти способ описать разнообразие респондентов относительно этого свойства и избрать процедуру, с помощью которой каждому респонденту может быть определено место в этом разнообразии.

Методология исследования⁵

⁵ Сатаров Г. А. О новом подходе к построению обобщенных социологических переменных // *Полития*. Зима 1999–2000 г. №4.

Любое общество неоднородно по своей структуре, в нем можно выделить различные типы людей по их отношению к тем или иным политическим процессам. Мы не можем делить людей на «противников» и «сторонников» каких-либо явлений, рассматривая эти две категории как идеальные, в любом случае каждый человек будет размыт между этими двумя классами. Например:

- 1) активные сторонники
- 2) скорее поддерживающие
- 3) нейтральные
- 4) скорее не поддерживающие
- 5) активные противники

Наша гипотеза состоит в том, что принадлежность респондента к какому-либо типу людей с определенной долей вероятности определяет логику его мышления и поступков, порой даже не осознаваемую

им самим, а также ответы на реально задаваемые ему вопросы. И, наоборот, по ответам на вопросы можно с определенной долей вероятности судить, к какому из типов принадлежит респондент.

В математически формализованном виде эта схема представляет собой следующее. Пусть имеются размытые классы (категории) респондентов, порожденные их различными, допустим, установками, – A_1, A_2, \dots, A_n . Это значит, что каждый респондент должен быть описан функцией принадлежности вида $P = \{P_1, P_2, \dots, P_n\}$, где P_i – вероятность того, что данный респондент принадлежит к категории A_i .

Рассмотрим теперь анкетный вопрос «В», на который отвечали респонденты при проведении социологического исследования. Предполагается (для определенности), что респонденты могут выбрать только один вариант ответа из предлагаемого списка B_1, B_2, \dots, B_s .

Взаимосвязь между вербальным поведением респондентов при ответе на вопрос В и их принадлежность к категориям A_1, A_2, \dots, A_n определяется, по существу, матрицей условных вероятностей $Q = [q_{ik}]_{s \times n}$, где q_{ik} – вероятность принадлежности респондента категории A_i , если известно, что он выбрал вариант B_k при ответе на вопрос В. В результате исследователь получает таблицу следующего вида.

В	X			
	A_1	A_2	...	A_n
B_1				
B_2		q_{ik}		
...				
B_s				

Если бы матрица Q была известна, то респонденту, выбравшему k-й вариант ответа на вопрос В, можно было бы приписать в качестве функции принадлежности k-ю строку матрицы Q. Однако это означало бы, что исследователь «оценивает» $P = \{P_1, P_2, \dots, P_n\}$, используя только ту информацию, которая содержится в ответах на один вопрос В.

Это было бы допустимым, если бы вопрос В был информационно эквивалентен латентному вопросу А. Но это, в силу причин, указывавшихся выше, не так. В анкету включены и другие вопросы, ответы на которые в той или иной мере связаны с принадлежностью респондентов к латентным классам A_1, A_2, \dots, A_n . Каждому из этих вопросов соответствуют свои матрицы Q.

Проблема состоит в том, что эти матрицы неизвестны исследователю, и единственный путь получения информации об условных вероятностях, составляющих матрицу Q, – обратиться к помощи экспертов. Правда, при этом исследователь сталкивается с рядом новых проблем:

1. Необходимо оценить объем экспертной информации и возможности экспертов дать более или менее адекватную информацию

об условных вероятностях, число которых $N=s(1)+\dots+s(m)$ ($s(j)$ – число возможных ответов на j -й вопрос из m анкетных вопросов, относящихся к данному свойству) весьма велико.

2. Даже если исследователю точно известны матрицы условных вероятностей, требуется сконструировать оценку для функции принадлежности, «извлекая» и «интегрируя» информацию из этих матриц лишь в той мере, в какой эта информация «работает» на улучшение качества оценки.

3. Необходимо разобраться в том, какими могут быть анкетные вопросы, способствующие разрешению исследовательской задачи.

Ниже в несколько упрощенном варианте приводится описание алгоритма построения функции принадлежности респондентов к классам размытой социологической классификации.

1. Анализ анкеты, подготовленной для реального социологического исследования.

Из всей совокупности приведенных в анкете вопросов выбираются те, которые ассоциируются, по мнению исследователя, с интересующей его латентной классификацией и в какой-то мере информационно достаточны для построения такой классификации. Различия в ответах на эти вопросы объясняют принадлежность респондентов к разным классам искомой размытой классификации. Для каждой целевой классификации рекомендуется формировать блоки из обслуживающих ее вопросов на этапе разработки анкеты.

Следует иметь в виду, что блок вопросов должен быть *статистической совокупностью*, с одной стороны, и *доступным для экспертизы* (оценки матриц условных вероятностей) – с другой. Эти два противостоящих друг другу ограничения на число вопросов и их объем приводят к разумному компромиссу при включении в блок 7–12 вопросов.

2. Заполнение экспертами подготовленных анкет.

Для каждого вопроса и для каждого из возможных ответов на этот вопрос предлагаются оценки следующего вида: *«Если при ответе на рассматриваемый вопрос произвольный респондент дал такой-то ответ, то он принадлежит указанному классу латентной классификации»*.

Отметим, что оценки даются не в вероятностном выражении, а в виде баллов.

3. Проведение опроса респондентов. Данные, полученные в результате проведения опроса респондентов, вместе с данными проведенной экспертизы заносятся в специально разработанную для этих целей базу данных.

4. Построение по результатам экспертизы и опроса для каждого респондента и каждого эксперта функция принадлежности данного респондента к классам латентной размытой классификации. Тем самым у каждого респондента появляется столько функций принадлежности, сколько экспертов участвовало в экспертизе.

5. Предварительный анализ полученных данных, включающий в себя:

- оценку расхождений между экспертами в функции принадлежности одних и тех же респондентов;
- выявление «болота» среди респондентов (кластер респондентов, которые по оценкам всех экспертов «размыты» примерно равномерно по всем классам);
- выделение ядра экспертов (группы экспертов, которые представляют некий «центр», более или менее общее «мнение» о классификации респондентов).

6. Построение общей классификации респондентов. Производится агрегирование функций принадлежности, полученных из определенного ранее ядра экспертов в одну, *финальную* функцию принадлежности респондентов к искомым классам.

Именно эта финальная функция принадлежности используется для социологических выводов в трех вариантах:

- Вычисление «позиции» (точки на той же плоскости) всех респондентов, исходя из построенных на плоскости размытых классов.
- Использование финальной функции принадлежности как вероятностного распределения шансов конкретного респондента оказаться представителем того или иного класса, для моделирования ситуации распределения по классам для разных социальных групп. А это, в свою очередь, может объяснить генезис полученной классификации и дать ответ на другие исследовательские вопросы.
- Построение по размытой классификации дискретной классификации (именно этот вариант использован в работе).

**Сравнение
структуры
политического
сознания
населения трех
постсоветских
стран**

Описанная выше технология исследования была применена при анализе особенностей политического сознания населения Казахстана, России и Эстонии. В качестве исходного материала для исследования использовались результаты опросов общественного мнения населения России, Эстонии и Казахстана, которые проводились в 1998 году⁶.

По совокупности вопросов использованных анкет представлялось возможным выделить три основные характеристики, с помощью которых мы могли бы описать политическое сознание населения этих стран:

– **Идеологическая**, демонстрирующая приверженность/неприятие идей коммунизма, демократии в сознании людей. На одном полюсе этой шкалы расположены респонденты – активные сторонники идей коммунизма, ностальгирующие по разрушенному коммунистическому строю; на противоположном – респонденты – активные противники этой идеологии, тяготеющие к демократическим принципам государственного устройства.

– **Отношение к власти**, отражающее уровень доверия населения действиям властей, проводимым ими реформам. Данная шкала также содержит два крайних полюса: на одном – респонденты, поддерживающие все действия власти, на другом – респонденты, абсолютно не доверяющие власти.

– **Отношение к независимости**, иллюстрирующее настроения людей, связанные с распадом СССР, становлением на его территории но-

⁶ Всего было опрошено 2201 респондент в России, 2661 в Казахстане и 1150 в Эстонии, с репрезентацией по полу, возрасту, образованию и этнической принадлежности.

вых независимых государств, и относительно результатов, к которым это привело. На одном полюсе данной шкалы – респонденты – активные сторонники идеи независимости, на противоположном – респонденты, сожалеющие о распаде СССР и мечтающие о его восстановлении.

Именно эти характеристики политического сознания легли в основу исследования в качестве изучаемых латентных факторов, которые представлялось необходимым достоверно описать.

На подготовительном этапе из всей совокупности вопросов каждой анкеты отбирались вопросы, прямо или косвенно ассоциирующиеся с указывавшимися выше латентными факторами. Приводимый ниже фрагмент табл. 1 иллюстрирует связь между вопросами анкет и латентными факторами. Предполагается, что один вопрос может быть связан одновременно с несколькими факторами (знак «х» указывает на наличие этой связи).

Таблица 1 Связь между вопросами анкеты и латентными факторами

Код вопроса	Вопрос	Шкалы		
		S1	S2	S3
Q-9	Как Вы думаете, что сейчас происходит в экономике страны? 1. начало экономического подъема; 2. достижение экономической стабильности; 3. замедление кризиса, спада производства, роста цен; 4. продолжение кризиса, дальнейшее обнищание населения; 5. приближение экономической катастрофы			x
Q-13	С какими из приведенных ниже суждений Вы бы скорее согласились, а с какими – нет? 4. несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и разговоры; 7. многое из того, во что верили наши отцы, разрушается на наших глазах		x	
Q-42	Как Вы думаете, какие силы смогут вывести страну из кризиса? 1. коммунисты; 2. предприниматели, бизнесмены; 3. демократы; 5. нынешнее правительство	x		

S1 – шкала «Отношение к коммунизму».

S2 – шкала «Отношение к власти».

S3 – шкала «Отношение к независимости».

Далее был сформирован список из 10 экспертов, для которых были подготовлены три анкеты с инструкциями (по каждой шкале). С целью выявления истинного отношения опрошенных респондентов к интересующим нас политическим феноменам экспертам было предложено заполнить три экспертные анкеты, состоящие из таблиц следующего вида:

Таблица 2 Образец таблицы в рамках экспертной анкеты

Вопрос из анкеты	Название латентного фактора				
	Категория респондентов – 1	Категория респондентов – 2	Категория респондентов – 3	Категория респондентов – 4	Категория респондентов – 5
Ответ 1					
Ответ 2		Балл			
Ответ 3					

Мы исходили из предположения, что респонденты могут отличаться друг от друга по определенному латентному фактору. В нашем исследовании, как отмечалось, их было три: «Отношение к коммунизму», «Отношение к власти», «Отношение к независимости». Для упрощения исследования рассматривались пять категорий респондентов по степени их отношения к латентному фактору. В рамках каждой экспертной анкеты выделялись свои категории респондентов.

Мы убеждены, что мышление и поведение людей подчинены внутренней логике, не всегда осознаваемой ими. Наша гипотеза заключалась в том, что принадлежность респондента к той или иной категории людей с определенной долей вероятности определяет его ответы на реально задававшиеся вопросы. И, наоборот, по ответам на вопросы реальной анкеты можно с определенной долей вероятности судить, к какому из типов принадлежит респондент.

Задача экспертов заключалась в том, чтобы установить связь между вопросами реальной анкеты и предложенной классификацией респондентов. С этой целью они заполняли каждую таблицу следующим образом: в клетку на пересечении некоторых строки и столбца необходимо было поставить балл, соответствующий, по мнению эксперта, вероятности того, что произвольный респондент, выбравший данный ответ на приведенный вопрос, принадлежит конкретной категории респондентов.

После обработки данных социологических опросов по Казахстану, России, Эстонии, а также экспертных анкет, были получены следующие результаты, позволявшие провести сравнение отношения населения трех постсоветских стран к конкретным значимым политическим проблемам:

Таблица 3 Обобщенная идеологическая классификация респондентов по их отношению к коммунизму.

<i>Классы</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Россия</i>	<i>Эстония</i>
Сторонники коммунизма	26,4	28,3	6,2
Противники коммунизма	20,3	21,8	41,2
Болото	53,3	49,9	52,6

Таблица 4 Обобщенная идеологическая классификация респондентов по их отношению к власти.

<i>Классы</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Россия</i>	<i>Эстония</i>
Лояльные власти	9,5	4,5	14,1
Нелояльные власти	68,7	82,5	59,7
Болото	21,8	13,1	26,2

Таблица 5 Обобщенная идеологическая классификация респондентов по их отношению к независимости.

<i>Классы</i>	<i>Казахстан</i>	<i>Россия</i>	<i>Эстония</i>
«За» независимость	13,8	19,5	55,4
«За» восстановление СССР	55,1	55,9	15,7
Болото	31,0	24,6	28,9

В таблицах приведены процентные распределения респондентов по классам обобщенных классификаций. Исследование показало, что существуют различия в настроениях населения и его оценках сложившейся в каждой из стран ситуации. Так, при анализе отношения граждан каждой из стран к коммунизму можно выделить три ключевые тенденции.

Во-первых, наблюдается высокий уровень деидеологизации населения: ни сторонники, ни противники коммунизма не получили убедительной поддержки граждан, более 50% опрошенных в каждой из стран не определили свое отношение к коммунистическим идеалам. Такие результаты могут объясняться тем, что после распада СССР и приобретения независимости в каждой из стран начались процессы экономической и политической трансформации, которая тесно связана с модификацией системы ценностей в структуре массового политического сознания. Шло разрушение старых устоявшихся идеологических ориентиров и формирование новых моделей поведения, соответствующих принципиально новым общественным нормам. Очевидно, что для становления новой ценностной системы, ее укоренения в сознании граждан требуется не просто время, а смена поколений.

Во-вторых, в ответах респондентов трех стран, у которых сформировалось однозначное отношение к коммунизму, наблюдаются ярко выраженные различия. Граждане Эстонии, несмотря на высокий показатель «болотистости» – 52,6%, тем не менее, демонстрируют яв-

ное неприятие идей коммунизма (41,2% опрошенных являются противниками коммунизма и только 6,2% – сторонниками). Причем негативное отношение жителей Эстонии к этой идеологии оформилось предельно быстро, для них коммунизм ни в какой мере не является альтернативой существующему строю. Эта тенденция вполне закономерна, так как в Эстонии даже во времена СССР коммунистические идеалы не находили широкой поддержки среди коренного населения.

В России и в Казахстане не прослеживается однозначного отношения к коммунизму, соотношение сторонников и противников этой идеологии практически одинаковое: 26,4% и 21,8% – в России, 26,4% и 20,3% – в Казахстане. И по сравнению с Эстонией оценки респондентов более сглаженные и менее категоричные.

В-третьих, несмотря на тот факт, что сторонники и противники коммунизма в равной степени представлены в каждой из двух этих стран, значимость этих показателей для России и Казахстана разная. Нельзя не учитывать, что в Казахстане позиции коммунистов по сравнению с Россией очень слабы. В Российской Федерации же коммунистическая партия занимает прочные позиции и имеет широкое представительство в Государственной Думе. Исходя из этого, можно констатировать, что для казахского общества 26,4% сторонников коммунизма – цифра весьма весомая, демонстрирующая высокий уровень поддержки населением коммунизма, вне зависимости от отсутствия влияния соответствующих политических сил на политическое сознание граждан Казахстана. Кроме того, такие результаты говорят и об инертности мышления казахского общества, его замкнутости, закрытости для восприятия новых идей. Для российского общества цифра 28,3% говорит, скорее, о постепенном ослаблении позиций коммунистической идеологии во вновь формирующейся структуре ценностей россиян. В этом смысле российское общество более открыто для идеологических перемен, но эта открытость двойственна, так как существует до тех пор, пока вновь воспринимаемые идеи полностью отвечают ожиданиям и надеждам людей. При этом всегда есть возможность возврата назад, к прежним идеалам. Если эстонское население демонстрирует явно негативное отношение к коммунизму и очевидную невозможность возвращения к прошлому, то для казахского и российского населения коммунизм все еще является альтернативой затянувшейся модернизации. Оно допускает для себя возможность возвращения к коммунистическим порядкам.

Другая картина вырисовывается при изучении отношения граждан каждой из стран к действующей власти. Здесь на фоне одинаково высоких показателей нелояльности к властям особенно выделяется позиция России⁷. 82,5% респондентов критически настроены по отношению к власти и лишь 4,5% – поддерживают ее. Причины такого отношения к власти многообразны.

Так, с момента распада СССР роль государства в российском обществе практически не изменилась, оно по-прежнему рассматрива-

⁷ При анализе этих данных необходимо учитывать, что опрос респондентов проводился в 1998 году, когда политическая обстановка в стране существенно отличалась от сегодняшней.

ется как ключевой институт в разрешении основных социально-экономических проблем. Кроме того, в большинстве своем граждане России считают, что именно государство должно создать благоприятные условия их жизнедеятельности. В основе абсолютизации роли государства в жизни общества лежат накопившийся за многие десятилетия опыт и связанные с ним особенности массового сознания, в котором государство, а не личные инициативы и усилия – залог материального и социального благополучия.

В свою очередь действия государства, по мнению граждан, не оправдывают их ожиданий. Проводимые реформы, в первую очередь, негативно отражаются на качестве жизни людей, на их материальном положении, что и служит устойчивой основой их недовольства и нелояльности.

Позиции Казахстана и Эстонии в этом пространстве более близки. В этих странах также наблюдается высокий уровень недоверия к власти (68,7% и 59,7%) и низкий – лояльности (9,5% и 14,1%). Однако предпосылки в каждой из стран различны. В Казахстане высокий уровень недоверия к власти объясняется тем, что 50% населения страны составляют русские, оказавшиеся после распада СССР в положении некоренных жителей, что повлекло за собой изменение их социального статуса в сторону ухудшения, доля же коренного населения, недовольного политикой властей, невелика.

В Эстонии большой процент нелояльных власти формируется как за счет русского населения, не имеющего гражданства, так и за счет самих эстонцев. Однако основа недоверия со стороны эстонцев принципиально иная, чем у жителей Казахстана и России: это не непримиримая оппозиция власти в целом, а, скорее, вполне нормальная конструктивная критика конкретных действий властей на пути демократической трансформации.

В ходе пользования описанной выше методикой возникает закономерный вопрос – насколько данные и выводы относительно политического сознания, полученные с помощью этой технологии, отличаются от результатов и выводов, основанных на изучении ответов на каждый конкретный вопрос социологической анкеты. Для выяснения этого был проведен следующий эксперимент: из каждого набора вопросов, ассоциированных с интересующей нас латентной переменной, было отобрано по два вопроса для каждой переменной и проведено сравнение ответов и соответствующих выводов.

При ответе на каждый конкретный вопрос анкеты респондент руководствуется не одним, а множеством мотивов, причем набор этих мотивов индивидуален для каждого отдельно взятого респондента. Поэтому и ответы на эти вопросы могут быть очень противоречивыми, не давая объективной картины относительно интересующего нас явления. Так, при анализе ответов на отобранные нами вопросы анкеты были выявлены следующие противоречия:

**Сравнение
результатов
экспертизы
и данных
по отдельным
вопросам анкеты**

Таблица 6 Вопросы, ассоциированные с латентной переменной «Отношение к коммунизму»

<i>Как Вы думаете, смогут ли коммунисты вывести страну из кризиса?</i>	<i>Казах-стан</i>	<i>Рос-сия</i>	<i>Эсто-ния</i>
Да	10,0	17,9	0,6
Нет	90,0	82,1	99,4

<i>Если оглянуться на прошедшее десятилетие, как Вы считаете, следовало бы вернуться к тому, как было до 1985 г., к социализму, или следует сохранить в основном нынешний курс развития страны?</i>	<i>Казах-стан</i>	<i>Рос-сия</i>	<i>Эсто-ния</i>
Вернуться к тому, как было при социализме	39,1	27,0	23,2
Оставить нынешний курс	9,4	9,7	54,4
Выправить, скорректировать нынешний курс	47,4	54,4	12,9
Затрудняюсь ответить	4,1	8,9	9,5

Рассмотрим ответы, данные респондентами из Казахстана на вопросы, ассоциированные с латентной переменной «отношение к коммунизму». В соответствии с ними лишь 10% опрошенных считают, что коммунисты смогут вывести страну из кризиса, а 90% утверждают обратное, но при этом 39,1%(!) респондентов посчитали, что лучше все же вернуться к тому, как жили при социализме, и только 47,4% придерживаются мнения, что нужно оставить нынешний курс развития страны. Этот пример демонстрирует непоследовательность оценок респондентов, однако выявить тот набор мотивов, которыми они руководствовались при ответе на вопросы практически невозможно. Исследователь может о них только догадываться, следовательно, не может сделать объективных выводов.

По данным нашего исследования отношение к коммунизму у населения Казахстана более сглаженное, и среди опрошенных респондентов доминируют отнюдь не сторонники или противники коммунизма, а идеологически нейтральные граждане. Если же ориентироваться только на сравнение ответов на каждый из вопросов, то идеологическая картина казахского общества полностью меняется: доля нейтральных респондентов оказывается минимальной.

Таблица 7 Вопросы, ассоциированные с латентной переменной «Отношение к власти».

<i>Верите ли Вы, что нынешнее руководство страны способно добиться реального улучшения вашего положения?</i>	<i>Казах-стан</i>	<i>Рос-сия</i>	<i>Эсто-ния</i>
Да, верю	31,3	7,4	17,3
Нет, не верю	58,0	75,6	68,2
Затрудняюсь ответить	10,7	17,0	14,5

<i>Как Вы считаете, дела в стране идут в правильном направлении или Вам кажется, что события ведут нас «не туда», в тупик?</i>	Казах-стан	Рос-сия	Эсто-ния
Дела идут в правильном направлении	17,3	11,8	43,3
Дела ведут в тупик	60,7	57,4	26,9
Затрудняюсь ответить	22,1	30,8	29,8

Рассмотрим теперь ответы, данные респондентами из России на вопросы, ассоциированные с латентной переменной «отношение к власти». 7,4% граждан уверены, что нынешнее руководство страны способно реально улучшить их положение, 75,6% в эту перспективу не верят, а 17,0% не сформировали своего мнения. Однако при ответе на другой вопрос, также отражающий отношение к власти, только 57,4% респондентов посчитали, что дела ведут страну в «тупик» и уже 30,8% предпочли воздержаться от оценок.

Проведенное нами исследование выявило высокий уровень недоверия граждан России к власти. Этот показатель существенно выше, чем аналогичные по Эстонии и Казахстану. Однако результаты анализа по отдельным вопросам этого не демонстрируют.

Таблица 8 Вопросы, ассоциированные с латентной переменной «Отношение к независимости».

<i>Как Вы считаете, распад СССР в 1991 году был неизбежным или его можно было предотвратить?</i>	Казах-стан	Рос-сия	Эсто-ния
Был неизбежным	26,0	24,8	65,9
Можно было предотвратить	64,4	53,1	21,2
Затрудняюсь ответить	9,5	22,2	12,9

<i>В целом, Вы сожалеете, что СССР распался, или скорее одобряете, или Вам это безразлично?</i>	Казах-стан	Рос-сия	Эсто-ния
Сожалею	78,8	65,5	23,2
Одобряю	10,8	11,7	54,4
Мне это безразлично	10,4	13,3	12,9
Затрудняюсь ответить	0	9,6	9,5

И, наконец, рассмотрим ответы, данные респондентами Эстонии на вопросы, ассоциированные с латентной переменной «отношение к независимости». 65,9% опрошенных посчитали, что распад СССР был неизбежным и только 54,4% его одобряют.

Исследователь, как видно, при анализе ответов на каждый отдельный вопрос анкеты сталкивается с неизбежной противоречивостью данных, что связано, прежде всего, с многомотивационностью и многофакторностью анкетных вопросов. Респонденты дают один и тот же ответ на один вопрос по разным причинам, которые могут ме-

няться от ситуации к ситуации. Однако если взять не один, а несколько вопросов, объединенных одной сущностью, то можно будет выявить определенные политические установки, ориентирующие респондентов отвечать на вопрос определенным образом. Именно это и было сделано при проведении исследования.

Таким образом, данные по анкетам дали нам представление об общественном мнении граждан каждой из стран, а результаты проведенного исследования объясняют, чем оно обусловлено, какие политические установки «заставляют» людей думать и отвечать на вопросы именно так, а не иначе.

**Преимущества
использования
описанной
технологии**

1. Исследователь получает возможность делать выводы о скрытых, сложно поддающихся описанию явлениях на основании построения либо числовой одномерной шкалы, либо точки на плоскости с вербально интерпретируемыми осями, либо сопряженной с этими шкалами латентной классификации респондентов.

2. Применение этой методики позволяет выявить один общий мотив, которым руководствуются респонденты при ответе на вопросы о своих политических взглядах.

3. Появляется простой язык коммуникации между исследователем, с одной стороны, респондентами и потребителями результатов – с другой.

4. Описанная технология превращает анкету из инструмента изучения общественного мнения в инструмент изучения общественного сознания. Таким образом, ответы респондентов на вопросы социологической анкеты превращаются из объекта исследования в инструмент.

5. Конкретное исследование и полученные результаты еще раз подтверждают тезис о том, что данный экспертно-статистический подход является эффективным и надежным инструментом в руках исследователя, ставящего перед собой задачу изучать сложные, многомерные, плохо поддающиеся описанию феномены политической жизни.